

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Я все равно
тебя дождусь!*



МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Оформление серии — *Е. Гузьякова*
Оформление переплета — *С. Власов*
Фото автора на обложке — *С. Курбатов*

В оформлении обложки использована репродукция
картины художника Висенте Ромеро Редондо
Все имена и события в произведении вымышлены,
любые совпадения считать случайными

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Я все равно тебя дождусь! : [роман] / Евгения
Перова. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
416 с. — (Счастье мое, постой! Проза Евгении Пе-
ровой).

Из недолюбленного ребенка, которого на протяжении
долгих лет третиговала мать, Лида выросла робкой и неуверен-
ной в себе женщиной. Личная жизнь ее не складывалась, по-
этому девушка решила целиком и полностью посвятить себя
науке. Но все поменялось в одночасье, когда летом в археологи-
ческой экспедиции Лида повстречала идеального во всех отно-
шениях Марка. Оробевшая от внезапно нахлынувших чувств,
она даже помыслить не могла о том, что он, обожаемый жен-
щинами всех возрастов, обратит на нее внимание. Неверие в
себя мешает Лиде принять его искреннюю любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Перова Е., текст, 2016
© Redondo V. R., 2016
© Курбатов С., фотография
на обложке, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91433-3

ΠΡΟΛΟΓ



Марк остановился у картины Айвазовского — море, небо, облака. Голубое, белое, золотое. Он ненавидел этот морской пейзаж. Айвазовский был ни в чем не виноват, Марк прекрасно знал это, но ничего не мог с собой поделать. Должен же кто-то быть виноват? Пусть Айвазовский.

— Да ладно тебе! — сказала Вика. Она всегда появлялась неожиданно. — Ты же знаешь, он тут ни при чем.

— А кто — при чем?

— Никто и ничто. Как ты?

— Нормально.

— Ты молодец!

— Я справился.

— Это хорошо. Я рада.

— Прости, что...

— И ты меня прости.

— Я давно простил.

— Спасибо.

— Я всегда буду помнить тебя!

— А как же иначе...

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА |

И она ушла. Только аромат нарциссов еще витал в воздухе.

Вика...

Марк улыбнулся.

Улыбка была горькой как полынь.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Путь
Дртемиды

Стулья, на которых нельзя сидеть,
Воздух, которым нельзя дышать,
В маленьком окошке кривая смерть, –
Все это потом, любовь моя.
Руки, от которых нельзя уйти,
Губы, которых нельзя бежать,
Ангел, прикорнувший в твоей горсти, –
Все это потом, любовь моя...

Сергей Шестаков

Лида вывихнула ногу, поэтому второй день занималась камералкой. Настроение у нее было неважное, да и не удивительно: всего несколько месяцев назад внезапно умер от сердечного приступа отец. И хотя Лида не так часто с ним виделась в последние годы, избегая, насколько возможно, общения с мачехой и сводным братом, смерть отца ударила ее очень сильно, и потеря была невыполнима. Рухнула главная опора, пропал камертон, который задавал тон всей ее жизни, и надвигающаяся защита кандидатской уже не радовала Лиду вовсе: отец не дожил!

Но успел прочесть основное — Лида с душевной болью вспоминала выражение отцовского лица, когда он отложил ее рукопись: радостное и несколько удивленное, как будто не ожидал, что из дочери может получиться настоящий ученый. Всю жизнь, всю жизнь она стремилась доказать, что достойна отца — археолога с мировым именем! И вот теперь доказывать стало некому.

Лида вздохнула и взяла очередной нуклеус. «Черная полоса, — думала она, — это просто черная полоса жизни. Ничего, я справлюсь. Ничего». Она умела собираться и концентрироваться, вот и сейчас ей

удалось отвлечься, помечая и описывая находки, но голос Захара, донесшийся откуда-то из-за угла школы, служившей им базой, опять заставил ее отвлечься. С этим справиться было гораздо труднее.

Лида давно уже ни на что не надеялась — да, собственно, почти никогда и не надеялась. Она знала себе цену. Синий чулок, старая дева. Мымра в очках — нет, на самом деле без очков, но какая разница. Когда она только собиралась поступать в аспирантуру, подслушала нечаянно разговор матери с подругой, которые чаевничали на кухне:

— Ой, да зачем она идет в аспирантуру! Нужна ей эта кандидатская! Лучше бы замуж вышла, детей нарожала!

А мать грустно сказала:

— Ты же видишь, какая она! Ей только в аспирантуру.

Лида тогда страшно расстроилась: если уж собственная мать считает ее полной уродиной, на что же ей рассчитывать. Ей было почти двадцать, когда она познакомилась с Захаром Клейменовым — в такой же экспедиции, как эта. Познакомилась и влюбилась как дура. Лида наивно советовалась со старшей и более опытной подругой — тогда у нее еще были друзья! — что делать и как себя вести. А старшая и более опытная подруга, как довольно скоро выяснилось, уже всюду встречалась с Захаром и собиралась за него замуж.

«Вот они, наверно, потешались надо мной», — мрачно подумала Лида, когда узнала, наконец, всю

Я все равно тебя дождусь!

правду. Замуж за Захара подруга таки вышла, а Лида долго выбиралась из этой несчастной влюбленности и, как Людмила Прокофьевна из «Служебного романа», тоже «ликвидировала всех подруг». Брак Клейменовых продержался всего несколько лет, и бывшая Лидина подруга крыла бывшего мужа на чем свет стоит, а Лида...

Ее угасшая было влюбленность вдруг снова ожила, питаемая извечной женской надеждой: «Пусть у него не сложилось с сотней других женщин, я — особенная, не такая, как они, и у нас все получится!» Не получилось, хотя Захар весьма ласково ей улыбался, многозначительно заглядывал в глаза, нежно обнимал за плечи и однажды даже поцеловал — Лида неумело ответила. А потом, на обмывании чьей-то защиты в институте археологии, она нечаянно услышала, как уже основательно поднабравшийся Захар обсуждает ее, Лиду, с Федей Левкиным, который Лиде вообще-то слегка нравился и которому — что гораздо существенней! — нравилась она сама:

— Михайлова-то? Да брось, о чем ты?! У меня с ней ничего. Нет, если б я только захотел...

— И что?

— Да влюблена как кошка! Только свистни — прибежит. Но не в моем вкусе, нет. А ты что? Хотел приударить? Ну, флаг тебе в руки!

— Да она вроде ничего...

— Я тебя умоляю! Она же постная как... как доска. Доска и тоска. Зануда, одним словом. Но зато

полезная — везет, как рабочая лошадка, и добавки просит. Улыбнешься лишний раз, она и рада, дура.

Лида словно окаменела.

Потом, обретя способность дышать, повернулась и направилась к выходу из института. Она не спала почти всю ночь — такого позора и унижения она не испытывала еще никогда. Захар просто использовал ее влюбленность себе во благо, да еще и обсуждал это с приятелями. Лида вспомнила их единственный не слишком удачный поцелуй и заплакала: как ей теперь с ним общаться, как?! А общаться придется: в экспедицию хочешь не хочешь, а ехать надо; для диссертации найти другого оппонента по ее теме, кроме Клейменова, трудно...

«Ладно, я должна это пережить», — решила Лида к утру. Потом горе от смерти отца заслонило собой все остальное, но какая-то часть ее души тоже умерла в ту бессонную ночь. Лида знала, что держится прекрасно — никто, включая самого Клейменова, не подозревал, какие именно чувства она к нему испытывает — все были неколебимо уверены в ее вечной и безответной любви к Захару. Пусть их! Пусть думают что хотят. В экспедиции ее жалели, потому что Захар совершенно беззастенчиво крутил один роман за другим у нее на глазах. Вот и сейчас у него была юная блондинка с пышными формами — именно ее Лида сменила на камералке, и блондинка унеслась галопом прямо в объятия Захара.

— Лида, ты человек! Нет, ангел! Просто ангел! — сказал Захар, проникновенно заглянув ей

Я все равно тебя дождусь!

в глаза, пока блондинка нетерпеливо переминалась у машины — они собрались в Трубеж, якобы за продуктами. Лиду затошнило от его фальшивой интонации: и как только она могла покушаться на это раньше?! ореол несчастной любви окружал Лиду легкой таинственностью и служил прекрасным оправданием ее одиночества, которое на самом деле тяготило ее все больше и больше, но как разорвать этот холодный круг, очерченный железным циркулем, Лида не понимала: она больше не верила никому. Только детям.

В этой экспедиции их было четверо: близняшки-десятилетки Мотя и Тотя, подросток Ванечка и шестилетняя Ксюша, внучка поварихи Анны-Ванны: крошечная девочка с белокурыми кудряшками была любимицей всей экспедиции, а Лиды — в особенности. Повариху на самом деле звали Анной Ивановной — большая, громогласная, с вечно красной физиономией в капельках пота, она была столпом экспедиции, и Лиде казалось: если однажды Анна-Ванна не придет к ним кашеварить, все тут же развалится, да так, что и не собрать. Молодые знать не знали, откуда взялось это прозвище поварихи и почему она зовет их поросятами — кто ж теперь помнит стихи Квитко: «Анна-Ванна, наш отряд хочет видеть поросят!» Но Лида знала. Глядя на то, как она возится с ее девочкой, Анна-Ванна сказала как-то:

— Их, девка! Что ты с чужими нянькаешься, тебе своих пора заводить. Плюнь ты на козла-то